

Останин В.А.

д.э.н., профессор, Российская таможенная академия,
Владивостокский филиал,
ostaninva@yandex.ru

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО-ВРЕМЯ КАК
ОБЩЕСТВЕННОЕ И ЧАСТНОЕ БЛАГО: ПРОБЛЕМЫ
МЕТОДОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ И ОЦЕНКИ**

*Ибо очевидно ведь вам давно знакомо то, что вы
собственно имеете в виду, употребляя выражение
«сущее», а мы верили, правда когда-то, что понимаем
это, но теперь пришли в замешательство.*

Платон.

Аннотация: Категория «пространство» и «время» продолжают оставаться предметом научных интересов как философов, так и представителей других отраслей научного знания. Более конкретные категории -- «экономическое пространство» и «экономическое время» -- не имеют признака перцепциальности. Это умопостигаемые феномены являются на уровне действительности и формируют оценочные отношения человека к реальному окружающему его миру вещей, объектов. Точно также идеи, наряду с аффектами души формируют оценочные суждения, которые могут приниматься при оценке окружающего мира бытия человека как экономического блага.

Ключевые слова. Пространство, время, экономическое пространство, экономическое благо, методологические подходы к оценке окружающего человека мира вещей и соответствующих духовных ценностей, идей.

Пространство и время являются фундаментальными категориями онтологии и одновременно проблемами познания окружающего нас мира как природы, так и общества. Судить о сущем в форме пространстве и времени в их изолированности друг от друга будет означать одновременно впадение в глубокие абстракции. Следует первоначально понимать, что категории, понятия, суждения, умозаключения как основные формы мышления, научного познания находят свое бытие исключительно в познающем мышлении. Признать, что пространство и время как категории существуют вне познающего мышления, будет означать то,

что существует некоторая область мышления без самого мыслителя, или, как остроумно выразился один исследователь, безмозглое мышление. [9]

Не выяснив природу пространства и времени вообще невозможно раскрыть и природу экономического пространства и времени, как и иных специфических форм этой родовой категории. Все последующие будут относиться как *differencia specifica* по отношению к *genus proximum*. Здесь следует четко разделять мир, объективно существующий и доступный в силу человеческих возможностей к восприятию и отражению в сознании и мышлении, воздействуя на чувственные органы человека, и мир отраженный, существующий в восприятиях, теоретических моделях, либо в обыденном мышлении. При этом восприятие еще как бы находится в двух областях, а именно, объективном воздействии на человека, и уже в идеальных образах воспринимаемого объекта.

Следует признать, что до конца 19 века в теории господствовало мнение о том, что пространство как таковое воспринимается посредством органов чувств, что оно имеет три измерения и описывается геометрией Эвклида. Наконец, если мировое пространство действительно такое, как оно представлялось, то расстояние между точками, размеры тел должны быть инвариантными, конгруэнтными, не зависящими от выбора системы отсчета. [7;24,25]

Поэтому проблема понимания природы пространства и времени уходит далеко в древность, когда уже начинали предприниматься попытки осмыслить окружающий человека мир. Первые попытки дает основания судить о понимании пространства как некоторой субстанции, резвившейся в концепцию субстанционального подхода. Последователи этой субстанциональной концепции пространства и времени (Ньютон, Эпикур, Демокрит) полагали, что существует объективно пространство и время, которые можно рассматривать как самостоятельные базовые основы наряду и одновременно с материальными объектами, материей и вне зависимости от них. Из этого вытекало, что пространство и время представляло две независимые друг от друга субстанции, которые можно рассматривать независимо одно от другого.

Попытка представить пространство и время как две взаимосвязанные основания в форме отношения выдвинулась также во времена Древней Античности Аристотелем, получила свое развитие в работах Г. Лейбница, Г.Ф. Гегеля, развивая в философии реляционной (от лат. *relatio*– отношение) концепции. В этой реляционной концепции пространство и время уже выступали в единой взаимосвязи как общие формы координации объектов друг с другом. Вне этого взаимодействия пространство и время уже не существовали. Ценность

данной релятивистской концепции получила свое дальнейшее развитие в среде естественно-научного осмысления мира в теории относительности А. Эйнштейна.

Доведенная до своего логического завершения конкретно-атомистическая концепция пространства в работах И. Ньютона получила свое развитие уже в трудах Г.В.Ф. Гегеля. В его теории, построенной на диалектическом подходе к идеалистическому пониманию пространства и времени, пространство уже представлялось в форме инобытия идеи, лишенной своих качественных определений, полагающей свое истинное во внешней и равнодушной рядоположенности моментов. Здесь Гегель следует концепции И. Канта, полагая, что пространство есть некая «нечувствительная чувственность и чувственная нечувствительность». Здесь пространство и время находятся в неразрывной диалектической взаимосвязи со временем, движением и самой материей. Пространство и время действительных лишь в действительности, подобно тому, как нет движения без материи, так и нет материи без движения. Истиной пространства становится время, точно также и истиной времени – пространство. Наконец, у Гегеля логично вытекает суждение о том, что пространство переходит во время. Идеалистическая концепция пространства и времени концентрированное выражение получает в суждении о том, что для духа не имеет никакой силы определения пространства и времени, ибо именно дух есть демиург пространства и времени в процессе своего самопознания.

Выступая против Г. Лейбница, который утверждал вслед за Эпикуром, Аристотелем, что пространство есть порядок вещей, их рядоположенность, что пространство имеет своих носителей в вещах, Г. Гегель приводит контраргумент. Мысленно отбрасывая вещи, которые наполняют пространство, все же остается существующим независимо от вещей пространственные отношения. Одновременно Г. Гегель не допускает и существование пустого независимого пространства, как полагал И. Ньютон. «Мы не можем обнаружить никакого пространства, которое было бы самостоятельным пространством; оно есть всегда наполненное пространство и нигде не отлично от своего наполнения». [2,44]

Физическое, или географическое пространство обладает трехмерностью. Оно наглядно, чувственно. Однако это пространство лежит в области мира вещей, их рядоположенности. Пространство математическое уже включает в себя эту наглядность евклидова пространства как частный случай, когда . Но таким же частным случаем является пространство Лобачевского-Больяи, но уже в концепции пространства Римана. Поэтому вопрос о свойствах физического пространства, как пишет по этому поводу Г. Рейхенбах, есть вопрос физический, а не математический. Когда Риман вводит вспомогательное понятие кривизны

пространства, то евклидово пространство обладает кривизной нулевой степени по аналогии с плоскостью. [11,27]

Вместе с тем остается открытым вопрос об исключительной трехмерности пространства, как категорически отмечал Риман. Пространство Минковского вводит уже четверной параметр – время, что приводит к необходимости уже преодолевать односторонность дефиниции «пространство» и переходить к дефиниции «пространство-время». Время позволяет переходить от статических моделей к динамическим. Более того, само измерение пространства возможно временем, если речь вести о чувственном физическом пространстве. Уже на вопрос древнего философа, как далеко до города, последний попросил его пройти, чтобы понять скорость, с которой он будет перемещаться. Точно также естественно измерять расстояние во вселенной световыми годами. Наконец умопостигаемое, интеллигибельное математическое пространство вообще может быть сведено к n -мерному и выражаться, например, в матричной форме. Следовательно, развитие математического пространства уже может быть предметом не только аналитической геометрии.

Следовательно, пространство, как и время вообще есть умопостигаемые феномены, продукты интеллигибельного познания. Разделение предметов познания на интеллигибельные (*intelligibilis*) и сенсигибельные (*sensibilis*) осуществил древнегреческий философ Платон. Под интеллигибельностью он понимал мир идей. Это особый мир интеллектуальных сущностей, усматриваемых и постигаемых лишь с помощью ума. Платон применил в своей философии трактовку интеллигибельного предмета как идеи, и она в таком качестве сохранилась вплоть до сегодняшнего дня. [10]

Но как идея пространство и время в своих абстракциях от предметно чувственных вещей, а также друг от друга могут находить свои формы бытия исключительно в познающем этот мир сущностных феноменов в разуме. Уже рассудку становится недоступным понять эти категории, поэтому последний на уровне представлений вполне довольствуется чувственными образами конкретных предметов на основе перцепций. Таким образом можно развести эти миры чувственно воспринимаемых вещей, которые упорядочены в некотором евклидовом пространстве, по-Аристотелю. Придание же пространству статуса объективности как философской категории, признание её существования как объективной реальности самой материи, независимой от сознания человека, есть скорее признак заблуждения, чем признания атрибутивного признака материализма. Материи сама по себе есть философская категория, которая так же

как и пространство и время вообще лежит в области интеллигибельного умопостигаемого феномена.

Это еще более выпукло обнаруживается, если переходить в область чистой математики, рассматривая такие пространства, как евклидово, пространство, пространство Лобачевского, пространство Римана, пространство Минковского, мировое пространство и другие математические понятия.

Вместе с тем следует согласиться с утверждением, что в известной степени апперцепция объектов в пространстве и времени связывает реальное и концептуальное пространства. Перцептуальное пространство, будучи непосредственным отражением реального, или физического, пространства, есть отражение чувственное. Оно является нам в процессе обыденного, повседневного опыта, который постоянно соотносит это пространство с реальным, что и позволяет нам ориентироваться в нем. Здесь нет символов, есть лишь непосредственное восприятие. Но как только мы вводим символическое представление о пространстве, так сразу же переходим на уровень концептуального пространства, независимо от того, каковы эти символы. концептуальных пространств может быть, видимо, сколько угодно, и все они будут представлением «двух других видов пространства». Мало того, именно благодаря концептуальному пространству мы порой отождествляем реальное и перцептуальное пространства, утверждая, что при описании наших ощущений пространства мы описываем реальное пространство. Но, к сожалению, тем самым перцептуальное пространство накладывается своеобразной «матрицей» на наше мышление, что, вполне естественно, затрудняет понимание концептуального пространства. Последнее мы стремимся представить в виде очевидной, понятной картины, а это, в свою очередь, затрудняет исследование реального пространства. [7,32]

Однако остается открытым вопрос о природе пространства и времени. Отсылка пространства и времени как формы бытия материи дает только предельно абстрактные теоретические модели этой всеобщности. Попытки конкретизации понятия пространства, когда последнее опять же сводится к структурности материальных объектов и материи вообще скорее уведут исследователя в очередные бессодержательные абстракции.

Если обратиться к М. Хайдеггеру, то вопрос о бытии, времени, а, следовательно, и пространстве вообще часто относят к вопросам, ответы на которые каждый постоянно находит сам и «уж конечно понимает, что всякий раз под этим понимает. Тем самым то, что как потаенное приводило античное философствование в беспокойство и умело в нем удержать, стало ясной как день

самопонятностью, причем так, что кто об этом спрашивает, уличается в методологическом промахе». [13,17]

Пространство и время в обыденном мышлении являются такими общеизвестными и само собой разумеющимися понятиями, что не появляется самой необходимости обращаться к подобным предрассудкам. Пространство и время как формы бытия были понимаемы как наиболее общие понятия. Как отмечал Фома Аквинский, «всеобщность» бытия превосходит всякую родовую всеобщность. «Некая понятийность бытия всякий раз уже входит во всякое наше восприятие сущего». [Цит по: 13,18]

Следовательно, первая область на пути приближения к сфере специфического в цепи понятий «бытие –единичное» есть всеобщие формы существования самого бытия. В качестве последнего мы уже можем рассматривать пространство и время. Другими словами, пространство и время могут рассматриваться как формы, способы существования, т.е. бытия мира материального и идеального.

И когда Г.В.Ф. Гегель определяет бытие как «неопределенное непосредственное», полагая его в качестве основания для своих дальнейших выводов логики, то это неопределенное следует полагать не только предельно общим понятием, но и одновременно самое «темное». Следовательно, понятие формы существования, выхождения во множество более конкретных понятий пространства и времени есть такое же «темное» понятие, как и само бытие. Понятие пространства и времени не выводимо из высшего понятия «бытие», ибо они есть само бытие в своих формах существования. Но одновременно пространство и время не могут быть представлены посредством конкретных объемов, вещей, или так называемых «географических пространств» когда последние представлены в виде физического, географического природного ландшафта. Как отмечает В.И. Астафуров, ничто не бывает столь глубоко ложным, как вывод о сущности явлений, основанный на бытовом опыте. [1]

Однако наглядность, осязаемость природного ландшафта, или природного географического пространства только усиливает демонстрацию непонятности пространства и времени. Как пишет по этому поводу Фома Аквинский, апелляция к самопонятности в круге философских основопонятий, тем более в отношении понятия «бытие» есть сомнительный образ действий, коль скоро «само собой разумеющееся» и только оно, «тайные суждения обыденного разума», призвано стать и остаться специальным делом аналитики («делом философов»). [Цит. по 13;18,19]

Разбор исторических подходов и концепций, что следует рассматривать как некоторые предрассудки, сделал ясным то, что не только нет ответа не только на вопрос о природе пространства и времени, но и остаётся темным сам вопрос о сущем пространства и времени. Поэтому вполне закономерен вывод М. Хайдеггера о том, что возобновить бытийный вопрос, в нашем случае вопрос о бытии пространства и времени, есть уже сама проблема философии.

Бытие в своей конечной инстанции есть всегда бытие сущего. Однако это сущее в зависимости от различных своих областей может быть сферой высвечивания и очерчивания специфических предметных областей, которое может быть одновременно представлено как множество. К элементам множества можно отнести пространство, в границах его пространство информационное, пространство экономическое, пространство географическое, водное, транспортное, финансовое, денежное, экологическое, жизненное и пр. Каждое из этих областей пространство тематизирует или воплощает себя в предметы, подобно тому как кухонное пространство фиксирует в себе ряд расположенных в определенной системе потребностей и возможностей кухонный гарнитур, оформление, освещение и т.д. Поэтому пространство вообще, или его разновидность – кухонное пространство -- мы схватываем терминологически как присутствие. Само присутствие, как отмечает М. Хайдеггер, сверх того отлично от другого сущего. Эти отличия следует выявлять. Таким образом «присутствие есть сущее», которое не только случается среди другого сущего. «Оно онтологически отличается тем, что для этого сущего в его бытии речь идет о самом этом бытии. ...*Понятность бытия сама есть бытийная определенность присутствия.* Онтологическое отличие присутствия в том, что оно *существует онтологично*». [13;27,28] (выделено М. Хайдеггером – В.О.)

Когда речь идет о «бытие в», то это следует понимать всегда как бытие в конкретном пространстве, «которое есть «в» каком-то другом, как вода «в» стакане, одежда «в» шкафу. Мы подразумеваем под этим «в» отношение бытия двух протяженных «в» пространстве сущих друг к другу по их месту в этом пространстве. Вода и стакан, одежда и шкаф суть одинаково «в» пространстве «при» месте. Это бытийное отношение можно расширить, напр.: скамья в аудитории, аудитория в университете, университет в городе и т. е. до: скамья «в мировом пространстве». [13;72,73]

Однако здесь М. Хайдеггер допускает логическую неточность. «Бытие в», которое описывается как бытие в каком-то месте, миру, другом вещном образовании, это не бытие в пространстве как сущем. Отношение онтологического присутствия здесь тавтологически выразилось как бытие вещи в

пространстве. Но уровне обыденного сознания здесь отмечается отношение присутствия по отношению к другим вещам. Однако находить свои сущностные формы бытия в форме пространства, пространственно-временных формах и быть размещенным в иных вещах, территориях как в пространстве есть отношения противоречивости.

Однако в области чувственно воспринимаемого мира, в сфере физического пространства мы постоянно обнаруживаем бесконечную «матрешку» конкретно-чувственные объемов, миров, разных уровней сложности, многомерности и многоуровневости. Поэтому утверждения о многомерности пространства есть скорее парафраз о способе бытия многомерной материи. Однако понимание материи лежит в понимании её как некоторой сущности бесконечно богатого множества всех форм бытия, что может быть отражено исключительно в сознании, мышлении в форме теоретического идеального образа. Материя есть идеальное, а не материальное. И она не может представляться как некоторая объективная реальность, которая дается в ощущениях человеку. Идеальные модели не имеют тех материальных образований, которые бы воздействовали бы на человека. Точно также и человек лишен того чувствилища, который обеспечил бы чувственное восприятия материи в её идеальных теоретических образах и моделях. Поэтому следует воспринимать как некоторое теоретическое заблуждение Э. Гуссерля, когда он пишет, что явления не являются. Здесь скорее упускается тот момент, что само явление уже есть явление сущности вещи, предмета, процесса. Именно вещи воздействуя на органы чувств, генерируя обыденные и теоретические идеальные образы этих вещей, процессов и являются первоначально как «кажимость» по Г. Гегелю, потом как явление, затем как сущность, наконец, как действительность. Сам термин «явление» у Г. Гегеля (*das Erscheinen* – явление, нем.] означает не просто явление вещи, а явление сущности, которая еще не очистилась от случайного, мимолетного, от несущественных признаков, что делает явление бесконечно богаче по своему концепту сущности.

Апелляция к древним философским концепциям скорее полезно для истории философских взглядов. Материя, как и пространство не есть некая первооснова, как субстанция всего сущего в мире, как некоторый платоновский субстрат вещей, который противостоит идеи. Объективность материи, как это представлено у Аристотеля, есть скорее наивные формы представления материального бытия. А отрицание материи у Т. Гоббса имеет смысл в том, что материя не может быть обнаружена в реально-чувственном мире вещей. Точно также и понимание П. Гольбаха материи как некоторой совокупности множества

вещей, которые действуют на наши чувства, несет в себе не столько материализма, сколько очередного заблуждения. Здесь материя отождествляется по своему концепту и денотату с самим вещественно-чувственным миром. Однако у П. Гольбаха остается открытым вопрос и природе этой всеобщности как понятия, как философской категории.

Понятие пространство и времени производное, конкретизация более всеобщей фундаментальной категории «бытия», представляет не более как конкретизацию, уточнение бытия в своих формах существования в головах мыслящего разума. Попытка «увидеть» глазами пространство скорее напоминает аналогию о невозможности философа-киника Антисфена в споре с Платоном увидеть «стольность» и «чашконость», хотя стол и чашки он видел. Следовательно, можно видеть вещи, их порядок в системе других вещей, их относительную расположенность. Но увидеть глазами пространство непосредственно уже невозможно. Пространство, как и время есть умопостигаемые феномены, которые могут быть только мыслимы в своих теоретических образах. Если же употреблять понятие Ф. Шеллинга «умозрение сущности» (*das Wesenschau* – нем.), то здесь зрение следует понимать как мышление, которое действительно только и может постигать сущность вещи, по крайней мере, по Ф. Шеллингу.

Такой методологический подход дает нам основание понятие «пространство» как понятие общее, перенести на концепт понятия «пространство экономическое». Последнее есть такое же умопостигаемое образование, как и само родовое понятие «пространство». Оно недоступно для чувственного препарирования, ибо эта область есть такая же область для умозрительного анализа, обобщения, научного исследования.

Поэтому часто употребляемый термин «пространство» в обыденном дискурсе ассоциируется с некоторым объемом, который можно представить в форме трехмерного образования материального мира, в котором располагаются отдельные вещи, материально-вещественные объекты. Чтобы преодолеть очередное «терминологическое столпотворение» по-Дж.М. Кейнсу, следует понимать и принимать одновременно, что сам термин может относиться в двум принципиально различающимся понятиям, одно из которых лежит в сфере материального, воздействующего на наши органы чувств, а другое относится к умопостигаемому миру. Тем самым будут созданы предпосылки для устранения логических противоречий, более корректному употреблению научных терминов, словесных оборотов.

Следующая методологическая проблема познания пространства и времени сводится к тому, что последние как формы бытия становятся бесконечно объёмными по своему денотату, но одновременно и бедными по концепту. Здесь реализуется одно из основных закономерностей формальной логики об обратном соотношении объема понятия к его содержанию. Родовым к понятиям пространство и время может быть понятие «бытие», которое уже в силу предельной бедности определить, дать содержательную ему дефиницию становится невозможным, если только отбросить предельные тавтологии типа бытие есть бытие, т.е. нечто есть в своем существовании. Другими словами, пространство и время есть то, что существует. Вопрос же о природе этого сущего есть вопрос о сущности, ответ на который в силу ничтожности содержания есть некоторый логический тупик, объясняющий только нечто сводимое к тавтологии. Фундаментальная проблема онтологии здесь звучит с «оскорбительной ясностью. (Ф. Ницше] Как отмечает по этому поводу Мартин Хайдеггер в своей работе по основам онтологии «Бытие и время», сущее, или сущность, задается проблемой «что есть сущее?». Вопрос о бытие есть вопрос «что значит, что сущее есть?»

Разрешение проблемы понимания пространства и времени как форм существования, осуществления бытия следует видеть в разведении сфер умопостигаемого мира и мира вещей. Термин «пространство» и «время» имеет отношение к обеим сферам, что и становится еще одной причиной терминологической путаницы. Однако мир умопостигаемый, в котором бытийствуют сущностные феномены, а также мир вещной, или мир объективный, мир вещей, которые существуют независимо от осознания его индивидуумом, в индивидуальном мышлении, осознании всегда представлены в форме идеальных образов. Последние могут быть представлены в форме научных абстракций, теоретических моделей, инструментария научного мышления в виде понятий, суждений, умозаключений, либо представлены также идеальными мыслительно-чувственными формами в виде представлений, предрассудков, идеальных форм отражения человека. Для обыденной деятельности индивиду вполне достаточно понимания природы вещи, процесса на уровне опыта.

На уровне же сущности уже господствуют мир понятий, суждений, умозаключений, которые оперируют научными понятиями. Однако их не может быть в мире в объективном вещей. Их также не может быть в так называемом мире объективно существующих теорий, объективных идей. Для этого должен тогда приобретать формы бытия объективный вычислитель, объективный разум.

Но следует ли впадать в крайность, отрицая объективный мир, утверждая, что время не есть форма существования материи, более того, что время есть

форма реализации (материализации] сознания в окружающем его носителей внешнем материальном мире. «...Сознание человека способно быть, во-первых, как во времени (мыслить, творить, осознавать], так т, во-вторых, вне времени (в форме математических истин, в форме пространства-времени]». [6]

Если принять это утверждение за некоторую научную некорректность или оплошность, то элементарного осмысления данного суждения будет достаточно. Если же это сформированная научная позиция исследователя, то следует заметить следующее. Декартовское «Я мыслю, следовательно, я существую» подводит нас к тому, что само мышление есть признак существования, которое не может протекать вне времени и пространства. Мыслить, следовательно, сопереживать, быть соучастником процесса осознания, быть членом со-бытия. Даже утверждения о временной математике, для которой характерно временной характер её истин вместе с «Внешним Миром» который существует вместе с сознанием, а значит не мог появиться до сознания. «Внешний Мир – порождается сознанием в том смысле, что структура окружения носителей сознания коррелируется со схемами (идеями] представления о сущности этого окружения, существующими в их сознании. И в силу этого, пространство и время не просто формы существования Мира, но формы восприятия Мира. Другими словами, пространство и время именно то, о чём говорил Кант; они субъективные условия чувственности, под которыми единственно возможны для нас внешние наглядные представления». [6]

Одновременно вряд ли уместно напоминать, что с исчезновением мира будет бессмысленно говорить, что внешний реальный мир останется и продолжит своё существование. Следует принимать во внимание, что все суждения, как основные формы мышления не сводятся к категорическим суждениям. Существует и иная, кроме традиционной логики – например интуиционистская, вероятностная логики.

Когда познающим объективный мир вещей или мир идей, приобретенными предшествующими поколениями ученых в форме научных монографий, музыкальных произведений становится доступным индивидуальному мышлению, то здесь могут сосуществовать одновременно как мир умопостигаемый сущностей мира объективного, мира вещей, так и его восприятия, которые еще не оторвались от воспринимаемого человеком предмета. Наука как эмпирическая наука, формирует эмпирические образы и обыденные представления у эмпирически-ориентированных людей. Однако этот мир продолжает оставаться миром умопостигаемых феноменов. Проводить резкую и ясную картину между объективным идеально-логическим содержанием

мышления и субъективным, реально-психологическим процессом мышления, как это сделал Э. Гуссерль, вряд ли уместно. [5;6,7] В этом случае произвольно либо осознанно допускается существование объективно бытийствующего мышления все человеческого разума.

Пространство вообще, как и пространство экономическое, которые берутся мышлением в абстракции от другой фундаментальной онтологической категории — времени -- есть сущностные феномены, которые в абстракции от процесса восприятия конкретных вещей могут находить пристанище только в мышлении. Тем более лишается смысла утверждение о том, что время следует относить к внешним характеристикам бытия, хотя само пространство полагают может быть отнесенным к фундаментальным свойствам. Как отмечает по этому поводу В.И. Астафуров: «Протяженность (пространство) — это первичное фундаментальное свойство окружающего мира. Время же является внешней характеристикой движения, и его нельзя рассматривать как атрибут материи, ее первичное свойство, форму ее существования. Вследствие этого, объединение пространства и времени в единую материальную сущность неправомерно как с логической». [1]

Но как таковых их в объективном существующем мире вещей нет. Распространение же терминов «пространство» и «время» на эти предметно-вещественным миры порождает очередные путаницу в терминах, понятиях и определениях. Здесь следует помнить предупреждение Дж. Ст. Милля о том, что писатели употребляют совершенно одинаковые слова для выражения совершенно различных понятий.

Только на уровне действительности, по-Гегелю, явление вещей включает в себя сущность вещи. Однако следует преодолеть определенный путь в познании мира вещей, или мира идей, чтобы пройти путь от видимости сути вещи или процесса, сути теоретической модели, до явления сути, далее сущности и, наконец, действительности. Если речь идет о теоретических моделях, то следует понимать, что наука всегда направлена на знание. Однако это не полагает, что она сама есть сумма или сплетение актов знания. «Наука обладает объективным содержанием только в своей литературе, только в виде письменных произведений ведет она самостоятельное существование, хотя и связанное многочисленными нитями с человеком и его интеллектуальной деятельностью; в этой форме она живет тысячелетиями и переживает личности, поколения и нации». [5,16]

Следовательно, экономическое пространство как объективно существующий феномен есть пустая абстракция. Как не существует всеобщее вне единичного, так не может находить свои формы объективного бытия вне конкретных вещей, объектов материального мира пространство и время. В этом

случае сама постановка об оценке экономического пространства как общественного или частного блага следует понимать как очередное околонучное недоразумение. Попытка воспринять пространство на уровне перцепций скорее уведет исследователя в еще большую конкретизацию, но оставит тем не менее это на уровне идеальной модели. Вещи, предметы, территории схватываются мышлением на уровне сущности, на уровне действительности. Именно в действительности понимание сущности обнаруживает свое единство явлением этих конкретных территорий, вещей, материальных объектов. Поэтому нет оснований отрицать тот факт, что исследователь синтезирует в своих конкретно-чувственных образах единство сущности (пространства и времени) с существованием вещей, объектов, территорий. Поэтому только на уровне сущности явления процесса можно допустить абстракцию самой сути, находящей свое бытие в умозраительных моделях. Это сфера умопостигаемого, интеллигибельного, недоступное восприятию в своих чувственных образах. Сущности не воспринимаются органами чувств, они не обладают ни качеством перцепции, ни апперцепции, когда вещи воспринимаются и начинают осознаваться.

Однако на уровне действительности, когда сущность дается уже со своим существованием, человек может не только познавать эти абстракции, но и оценивать их необходимость как с позиций гносеологии, так и онтологии. Более того, человек получает возможность оценивать существование подобных умозраительных идей тогда, когда они становятся достоянием масс либо находятся в частном ведении. В первом случае они неделимы и не исключаемы. Идеи, как теоретическое или мифологическое выражение сути бытия становятся материальной силой, независимо от того, относятся эти умозраительные конструкты к прошлому, настоящему или будущему. Человек оценивает их даже в том случае, если они не могут стать предметом рыночного обмена. Они становятся в этом случае общественным благом, которое общество и его члены оценивают, даже если последние не могут приобретать своих денежных форм оценки.

Так, применение территориального подхода позволяет обратиться к понятию «региона». Само же определение «региона» как мезоуровня в системе управления свойственно управленческому подходу к трактовке данного термина. Регион есть самостоятельная и открытая специфическая подсистема народного хозяйства, способная к взаимодействию с другими подсистемами. В основе территориального подхода лежит пространственная обособленность административной единицы». [8,97]

Оценку значимости могут принимать вещи, объекты, материальные или духовные образования, которые изложены, написаны, доказаны в научной или иной литературе и которым человек придал соответствующую оценку. Последняя субъективна, однако это её статуса не умаляет. Следовательно, экономическое пространство как сущностный феномен, переживаемый индивидом, осознаваемый как по прошлому известному опыту, настоящему и предполагаемому будущему, на уровне действительности слито с его целостным образом. Последнее привносит последнему и оценку индивида с учетом множества факторов, которые оказывают воздействие на оценочный процесс.

Таким образом человек способен оценивать и продукты научной деятельности, идеи, представления, ожидания, которые каким-то образом закреплены связаны с объективно существующими монографиями, учебниками, статьями, музыкальными и иными художественными произведениями. Оценке могут подлежать как модели прошлого, которые закреплены в традициях народов, его обычаях, верованиях.

Ожидание реализации блага в будущем также становятся объектом оценки. Пространство здесь как сущностная форма бытия представлена в расположенности наличия актуального и(или) потенциального. Все эти объекты существуют, бытийствуют в едином мире пространства-времени, которое пронизывает весь этот вещной и духовный мир, являясь его пространственно-временным вместилищем.

Попытки же оценить само пространство или время вне вещей или времени следует понимать как уход в очередную бессодержательную софистику, которая неспособна дать целостное научное представление, далее понимание этой научной проблемы. Подобно тому, как мы начинаем всуе употреблять термины «пространство» и «время», тем более надежно закрываются врата познания сущности бытия, сущности пространства и времени.

Вещи, объекты, размещаемые на территории, объемах, акваториях, которые доступны человеку и могут быть оценены им как общественное или частное благо, уже приобретали свою оценку с самого древнего периода, несвязанного с появлением еще каких-то эквивалентов. Человек был и остается мерой вещей, как указывал по этому поводу сам человек в лице Протагора. Он и сам оценщик всегда находится в оцениваемой или связанной с ним среде.

Человек приобретает, вырабатывает в конечном счете присваивает условия своего собственного бытия. Он живёт в реально существующем и окружающем его мире вещей, идей, которым человек присваивает термин «пространство» и «время». Тем самым допускается очередное терминологическое столпотворение,

по–Кейнсу. Человек не может оказываться равнодушным к окружающему его миру вещей, ландшафта, информации, идей духовным ценностям равнодушным. Он может вырабатывать свои критерии оценок окружающего его мира идей, вещей, что в конечном счете можно обозначить как материально-духовное окружение. В это окружение входят моменты прошлого, так как человек наделяем исторической памятью и не может оставаться равнодушным к своей собственной истории, так и истории своего рода, наконец, истории человеческого общего жития, по преподобному Серафиму Саровскому.

Одновременно человек не может оставаться равнодушным и к своему будущему, принимая во внимание риски, страхи перед будущей неопределенностью. Таким образом страхи, как аффекты души, также могут оказывать влияние на оценку окружающего его материального существующего окружения, на господство идей, духовных ценностей. [10; 181,185]

Бытие человека представляется как непрерывная цепь событий, а жизненное пространство не обязательно ограничивается домом, работой или местом отдыха — оно может быть раздвинуто до космических масштабов, поскольку существование человека зависит от природно-космических факторов и поскольку цивилизация на определенной стадии своего развития начинает освоение космического пространства.

Кант одним из первых обратил внимание на значение чувственного восприятия пространства и времени для научного познания вообще и индивидуального познания в частности. При этом он не только отдал явное предпочтение внутреннему ощущению пространственности и временности в сравнении с созерцанием пространства и времени внешнего мира, но и объявил его априорным. В действительности же пространство и время (и внешне и внутренне воспринимаемые) являются не доопытными, не внеопытными и не заопытными, а представляют собой коренные условия как объективного бытия, так и самого опыта, поскольку все, что дано в индивидуальном и коллективном опыте, существует и предстает в пространстве и во времени. [7,35]

Пространство и время, которые конкретизируются относительно условий воспроизводства материальных условий бытия человека уже можно охарактеризовать как экономическое пространство и экономическое время. Эти понятия также являются умопостигаемыми сущностями, которые следует также принципиально разводить от конкретно-чувственных вещей, географических территорий, линий связи, транспорта, финансово-кредитной сферы и других материальных образования. Однако последние принимая форму общественных и частных благ уже вступают в обращение. Они приобретают оценку, которая

выражается в денежной форме, проявляясь как цена. Некоторые же общественные блага в силу их неделимости уже не могут стать предметом товарно-денежного обращения, выступая как коллективное, национальное или мировое достояние. Оно может быть дано самой природой, тогда рассматривается как «даровые силы» природы, либо как общественные институты, которм общество также придает ценность и значимость. Однако в этом случае эти блага уже могут быть рассмотрены как «даровые общественные блага» для каждого, хотя на выработку и осуществление этих общественных институтов общество могло заплатить весьма громадную «цену». К последним можно отнести формы общественного устройства, современные цивилизационные формы общего жития, которые стали благом для всех. Если же общество утрачивает эти институты, то оно опять может заплатить громадную цену, понести громадные социальные, человеческие издержки.

Однако ценные идеи, общественные институты, существующие в социальном пространстве, не могут стать объектом купли-продажи. Они могут быть усвоены и только после этого присвоены самим человеческим существованием. Их нельзя навязать насильственно, вменить некоторые ценности общественного мироустройства, которые были элементами иного социального и экономического пространства.

Эти общественные, политические, этические и иные институты пронизывают жизнь человека, наполняют его бытие своим специфическим содержанием. Осознавая эти институты и одновременно оценивая их ценность человек может только в единстве со средой, его окружением. Поэтому одно и тоже внешнее окружение становится различным для человека в зависимости от того, какие отношения собственности, например, пронизывают эти связи. Перцептуальное окружение, или то, чему часть присваивают термин социально-экономическое пространство, регион всегда воспринимается чувственно, нагруженным нашими ценностными суждениями и оценками. Но даже такое весьма «приземленное» понятие как «регион» продолжает оставаться предметом бурных дискуссий и противоречивых рефлексий. Его понимание лежит в границах крайностей реального конструкта и «мусорного ящика», по образному выражению J.K.Wright . [3,3]

Ужа философская трактовка экономического пространства-времени, экономического региона неизбежно притягивает в этот процесс мир различных и противоречивых ассоциаций каждому, который стремится дать стоимостную оценку этому региону, который не только постигается умозрительно, но и чувственно, перцептуально. Как отмечает Ю.Н. Гладких, этому процессу присущ

свой собственный специфический менталитет, образ мышления, традиции, мировоззрение, историческая интерпретация, либо утраченная со временем идентичность, привязка к прошлому. Это геополитическое понимание региона, конкретного социально-экономического пространства-времени истекает из пространственной дифференциации, различности господствующих политических концепций, которые господствуют в окружении. Это перцептуальное социально-экономическое пространство-время ассоциируется с реальным экономическим регионом, реальной экономической территорией, существующей в конкретное историческое время.

Оценку, которую дает человек, проживающий, работающий или мимолетно сталкивающийся с социально-экономическим пространством-временем в воспринимаемом в своих конкретно-чувственных образах конкретной территории, региона, зависит от множества факторов, которые лежали в прошлом, лежат в настоящем и предполагается вероятность, что будут присутствовать и оказывать воздействие на оценку в будущем. Оценочные векторы будут разнонаправленны в силу анизотропности конкретного социально-экономического окружения. При этом анизотропность будет касаться не только настоящего времени, но и учитывать динамику изменений этой неоднородности. В результате оценка будет определяться привлекательностью региона, территории не только настоящим состоянием, но и ожиданиями изменений, динамикой.

Список литературы

1. Астафуров В.И. Логико-математическое доказательство несуществования времени как атрибута и первичного свойства материи / Электронный ресурс. Доступно 03.08.2015г.: <http://5fan.ru/wievjob.php?id=15874>]
2. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Том 2. Философия природы. М-Л., Изд-во Наука -- ?с.
3. Гладкий Ю. Н. Регион как научная категория: реальный конструкт или «мусорный ящик» // Псковский регионологический журнал. – 2009. – №8. – С. 3-10. (Электронный ресурс. Доступно 03.08.2015г.: http://mf.pskgu.ru/projects/pgu/storage/prj/prj_08/prj_08_01.pdf]
4. Грюнбаум А. Философские проблемы пространства и времени: Пер. с англ. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 568с.
5. Гуссерль Э. Логические исследования, Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис

- европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. — Мн.: Харвест, М.: АСТ, 200.—752с.
6. Гуц А.К. Метафизика времени и эвентология / X Международная конференция по финансово-актуарной математике и эвентологии безопасности. Красноярск, 2011. с. 121-126. (Электронный ресурс. Доступно 05.08.2015г.: https://docviewer.yandex.ru/?url=yaserp%3A%2F%2Fwww.chronos.msu.ru%2Fold%2FRREPORTS%2Fguc_metafizika.pdf&name=guc_metafizika.pdf&c=55c17759eb2e]
 7. Каменарович М.Б. Проблемы пространства и времени: Монография. – М.: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2004. – 432с.
 8. Комарова Т.Е. Регион как социально-экономическая система./ Проблемы региональной экономики: теория и практика. Сборник материалов международной научной конференции. Россия, г. Москва, 29-30 апреля 2014 г. [Электронный ресурс] / под ред. проф. Л.Л. Божко. – Электрон. текст. дан. (1 файл 2,8 Мб). – Киров: МЦНИП, 2014. -- с. 96-102.
 9. Останин В.А. Воля в структуре смысла. Монография. Изд-во ВФ РТА: Владивосток, 2005г.—214с.
 10. Плесовских Ю.Г., Останин В.А., Рожков Ю.В. Интеллигибельность познания с позиций ученого, судебного эксперта и инноватора // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2014.— № 1.С.58-69.
 11. Рейхенбах Ганс. Философия пространства и времени: Пер. с англ./ Общ. ред. А.А. Логунова и Ю.Б. Молчанова. Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. -- 320с.
 12. Смирнов В.В. Анизотропия социально-экономического пространства федерального округа // Региональная экономика: теория и практика. 2013. – 46(325). – с.10 -21.
 13. Хайдеггер М. Бытие и время. / М. Хайдеггер; Пер. с нем. В.В. Бибихина. – Харьков: «Филио», 2003. – 503с.